

Amélie
NOTHOMB
1966

Амели
НОТОМБ

Токийская невеста

Романы

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Н 85

Amélie Nothomb
NI D'EVE NI D'ADAM
Copyright © Editions Albin Michel, S.A. — Paris 2007

STUPEUR ET TREMBLEMENTS
Copyright © Editions Albin Michel, S.A. — Paris 1999

Перевод с французского
Игоря Попова, Натальи Поповой, Ирины Кузнецовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

© И. Кузнецова, перевод, 2010
© И. Попов, Н. Попова, перевод, 2002
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10602-4

Страх и трепет

Господин Ханэда был начальником господина Омоти, который был начальником господина Сайто, который был начальником Фубуки Мори, которая была моей начальницей. А у меня подчиненных не было.

То же самое можно сказать иначе. Я выполняла приказы Фубуки Мори, которая выполняла приказы господина Сайто, и так далее. Правда, приказы могли поступать и непосредственно сверху вниз, минуя иерархические ступени.

Короче, в компании «Юмимото» я подчинялась всем, а мне — никто.

Восьмого января 1990 года лифт выплюнул меня на последнем этаже здания компании «Юмимото». Окно в конце длинного коридора всосало меня, словно разбитый иллюминатор самолета. Далеко, очень далеко внизу лежал город — неузнаваемый, будто я никогда не ступала по его улицам.

Я не сообщила о своем приходе в приемной. Я об этом попросту забыла, потому что меня заворожила пустота, открывавшаяся за окном.

И тут я услышала свое имя, которое за моей спиной произнес чей-то хриплый голос. Я обернулась. И увидела человечка лет пятидесяти — маленького, тщедушного, некрасивого и очень недовольного.

— Почему вы не заявили о себе в приемной? — спросил он.

Сказать мне было нечего. И я ничего не сказала. Опустив голову и плечи, я не без грусти констатировала, что в первые же десять минут своего пребывания в компании «Юмимото», не успев произнести ни единого слова, уже ухитрилась произвести плохое впечатление.

Коротышка сказал, что его зовут господин Сайто. Он повел меня по бесчисленным огромным офисам, где представлял толпам сотрудников, называя их имена, которые тут же вылетали у меня из головы.

Затем он привел меня в кабинет, где восседал его начальник, господин Омоти. Это был свирепый толстяк, и с первого взгляда было ясно, что он — вице-президент компании. Господин Сайто показал мне еще одну дверь и торжественно сообщил, что за ней сидит господин Ханэда, президент. По его тону я поняла, что о встрече с господином Ханэдой не стоит даже мечтать.

Наконец он проводил меня в большую комнату, где трудилось десятка четыре сотрудников, и показал мне мое рабочее место, напротив моей непосредственной начальницы, Фубуки Мори. Она была на собрании, и мне предстояло с ней встретиться только после полудня.

Господин Сайто без лишних слов представил меня всем сотрудникам, после чего спросил, люблю ли я трудности. Я поняла, что ответить «нет» просто не имею права.

— Да, — ответила я.

Это было первое слово, которое я произнесла в компании «Юмимото». До этой минуты я лишь кивала головой.

«Трудность», которой решил озадачить меня господин Сайто, заключалась в поручении написать от его имени ответ на полученное им приглашение на гольф от некоего Адама Джонсона. Я должна была по-англий-

ски сообщить, что господин Сайто принимает это приглашение.

— Кто этот Адам Джонсон? — спросила я по глупости.

Мой начальник вздохнул, дабы выразить свое раздражение, но промолчал. Я не поняла: то ли стыдно не знать, кто такой господин Джонсон, то ли мой вопрос неприличен. Я так никогда и не узнала, кто же был этот Адам Джонсон.

Задание показалось мне довольно легким. Я села и написала сердечное письмо: господин Сайто с удовольствием придет в ближайшее воскресенье на гольф к господину Джонсону и шлет ему дружеский привет. Готовое письмо я отнесла своему начальнику.

Господин Сайто взглянул на результат моих трудов, издал презрительный взглас и порвал написанное мною письмо:

— Переделывайте.

Я решила, что была слишком любезна и даже фамильярна с Адамом Джонсоном, и сочинила холодное и официальное письмо: господин Сайто принял к сведению приглашение господина Джонсона и, в соответствии с его пожеланием, согласен приехать к нему на гольф.

Мой начальник прочитал это письмо, опять издал презрительный взглас и снова порвал его:

— Переделывайте.

Мне очень хотелось спросить, что же у меня не так, но по реакции шефа на вопрос о том, кто такой Адам Джонсон, я поняла, что он не выносит, когда ему задают вопросы. Я должна была сама догадаться, в каком стиле подобает обращаться к таинственному Адаму Джонсону.

Все последующие часы я сочиняла бесчисленные послания этому любителю гольфа. Господин Сайто рвал каждое мое очередное письмо, сопровождая эту про-

цедуру ставшим уже привычным презрительным возгласом.

После чего мне приходилось изобретать новый эпистолярный стиль, отличный от предыдущих.

В этой бесконечной игре, напоминавшей сказку «У попа была собака, он ее любил...», была и своя забавная сторона. Я начала фантазировать: а что, если Адам Джонсон был бы глаголом, ближайшее воскресенье — подлежащим, игра в гольф — дополнением, а господин Сайто — прилагательным? Тогда получилось бы такое письмо: «Ближайшее воскресенье с удовольствием придет поадамджонсонить в Сайтовую гольф-игру. И пусть застрелится Аристотель!»

Я с удовольствием предавалась захватившей меня игре, но тут меня вызвал к себе шеф. Он молча порвал мое энное по счету письмо и сказал, что Фубуки Мори пришла.

— До конца дня вы будете работать с ней. А пока принесите мне кофе.

Было уже два часа. Эпистолярные гаммы так увлекли меня, что я просидела над ними полдня, ни разу не передохнув.

Поставив чашку кофе на стол господина Сайто, я обернулась и увидела, что ко мне подходит девушка — тонкая и высокая, как лук.

Когда я вспоминаю Фубуки, то сразу же представляю себе боевой японский лук, размером превосходящий самого рослого мужчину. Вот почему в своей книге я решила назвать эту компанию «Юмимото», что означает «лук».

И когда я вижу лук, то сразу вспоминаю Фубуки, которая была выше многих мужчин.

— Госпожа Мори?

— Называйте меня Фубуки.

Фубуки Мори была ростом не меньше ста восьмидесяти сантиметров — даже для мужчин в Япо-

нии это редкость. Она была стройной и восхитительно грациозной, несмотря на обычную японскую чопорность, от которой она не смела освободиться. Но лицо ее было столь прекрасно, что я буквально замерла от восторга. Она между тем продолжала что-то говорить. Я слышала ее интеллигентный и нежный голос. Она показывала мне папки, объясняла их назначение, улыбалась. Я даже не замечала, что не слушаю ее.

Затем она предложила мне ознакомиться с документами, которые приготовила на моем рабочем месте. Она села за свой стол, который стоял напротив моего, и принялась за работу. Я послушно перелистывала разложенные передо мной бумаги. Это были какие-то перечни, расчеты.

Но она сидела в двух шагах от меня, и мой взгляд притягивала пленительная красота ее лица. Ее опущенные глаза были прикованы к цифрам, и она не замечала, что я ее разглядываю. У нее был наипрелестнейший носик в мире, бесподобный японский носик, с тонкими, чисто японскими ноздрями.

Не каждому японцу достается подобный нос, но уж если вам такой нос встретится, знайте: он может быть только японским.

Если бы Клеопатра обладала несравненным японским носом, география земного шара была бы совсем иной.

Рабочий день закончился, но стоило ли печалиться из-за того, что я так и не успела проявить свои познания, благодаря которым меня приняли на работу? Ведь я хотела работать на японском предприятии? И вот, пожалуй, я работаю.

Мне казалось, что мой первый день прошел просто замечательно. Точно так же будут проходить и последующие дни.

Я, правда, не понимала, какую роль отвели мне в этом учреждении, но меня это не волновало. Господин Сайто явно считал меня туповатой, но меня и это не заботило. Я просто влюбилась в свою коллегу. И ее дружбы было для меня более чем достаточно, чтобы по десять часов в день проводить в компании «Юмимото».

У нее была матовая и белоснежная кожа — такую воспевают в своей прозе Танидзаки. Фубуки являла собой воплощение японской красоты. Если бы только не ее рост. Зато лицо Фубуки напоминало «гвоздику Древней Японии», которая в былые времена символизировала девушку благородных кровей. Увенчивая ее высокий и тонкий силуэт, это похожее на гвоздику лицо призвано было возвышаться и царить над всеми прочими людьми.

«Юмимото» слыла крупнейшей компанией мира. Господин Ханэда возглавлял империю импорта-экспорта, которая покупала и продавала все, что только существует на земном шаре.

В каталоге товаров, которыми торговала «Юмимото», как в детских стихах Жака Превера, можно было найти все на свете: от финского «Эмменталя» до сингапурского мыла, от канадского оптического волокна до французских покрышек и тоголезского джута. Чего здесь только не было!

Обычный человек даже представить себе не может, какие деньги получала и выплачивала «Юмимото». По мере увеличения нулей итоговые суммы из мира чисел переключивались в область абстрактного искусства. Я задавалась вопросом, есть ли хоть один сотрудник в этой компании, который радуется прибыли в сто миллионов иен или огорчается из-за убытков на такую же сумму.

Служащие «Юмимото» воспринимали значимость нулей только рядом с другими цифрами. Все, кроме меня, оказавшейся не способной оценить власть нуля.

День проходил за днем, а я все так же оставалась не у дел. Меня это совсем не огорчало. Мне казалось, что обо мне попросту забыли, и это было даже приятно. Сидя за своим столом, я читала и перечитывала документы, которые дала мне Фубуки. Все они навевали на меня скуку, за исключением одного — поименного списка сотрудников, где значились также имена супруги или супруга, их любимых деток и дата и место рождения каждого члена семьи.

В этих сведениях не было ничего увлекательного. Но когда очень голоден, то и корка хлеба покажется вкусной: мой мозг так устал от инертности и праздности, что даже этот список я воспринимала как пикантное чтиво, словно передо мной был скандальный журнальчик, публикующий сведения об интимной жизни знаменитостей. Честно говоря, из всех бумаг я поняла только этот список.

Чтобы изобразить трудовое рвение, я решила выучить его наизусть. В нем была целая сотня имен. Большинство сотрудников имели семью и детей, что значительно усложняло мою задачу.

Но я отважно взялась за дело: склонившись над бумагами, я вчитывалась в японские имена, а затем, оторвав глаза от списка, повторяла их в уме. Когда я поднимала голову, мой взгляд неизменно падал на лицо Фубуки, сидевшей напротив меня.

Господин Сайто больше не поручал мне писать письма ни Адаму Джонсону, ни кому-либо еще. Впрочем, он вообще мне больше ничего не поручал, а лишь просил приносить кофе.

Нет ничего более естественного для новичка, поступившего на работу в японскую компанию, как начать свою трудовую деятельность с освоения о-тякуми — почетной обязанности разливать чай.

Я отнеслась к этому делу очень серьезно — тем более что это была моя единственная обязанность.

Вскоре я уже знала вкусы и привычки всех своих начальников. В восемь тридцать утра я должна была подавать черный кофе господину Сайто. В десять утра — кофе с молоком и двумя кусками сахара господину Унадзи. Господину Мидзуно — каждый час по стакану кока-колы. Господину Окаде — в пять часов английский чай с облачком молока. Фубуки — зеленый чай в девять утра, черный кофе в полдень, зеленый чай в три часа дня и еще раз черный кофе в семь вечера. И каждый раз она благодарила меня с подкупающей вежливостью.

Именно на этом скромном поприще я потерпела первое поражение.

Однажды утром господин Сайто сообщил мне, что вице-президент принимает сегодня в своем кабинете важных гостей из дружественной фирмы.

— Подайте кофе на двадцать человек.

В назначенный час я вошла к господину Омоти с большим подносом и великолепнейшим образом выполнила свою задачу: каждую чашечку я подавала с подчеркнуто скромным видом, низко кланяясь и опустив глаза, произнося при этом самые изысканные и подобающие случаю церемонные выражения. Если бы существовал орден за высокое искусство о-тякуми, я бы его безусловно заслужила.

Несколько часов спустя делегация уехала. И тут все мы услышали громовой голос необъятного господина Омоти:

— Сайто-сан!

Я видела, как мгновенно побледневший господин Сайто вскочил с места и побежал в логово вице-президента. Через стену я слышала гневный ор толстяка. Я не могла разобрать, что он кричит, но ничего хорошего это не предвещало.

Из кабинета вице-президента господин Сайто вышел с перевернутым лицом. При одной только мысли, что он весит раза в три меньше своего обидчика, я испытала к нему неожиданный прилив нежности. Но тут он свирепым тоном выкрикнул мое имя.

Я последовала за ним в пустой кабинет. От ярости он даже заикался:

— Вы все испортили! Вы настроили против нас представителей дружественной фирмы! Подавая кофе, вы произносили традиционные японские фразы, которые выдают ваше прекрасное знание языка!

— Но я действительно неплохо говорю по-японски, Сайто-сан.

— Замолчите! Как вы смеее возражать? Господин Омоти крайне недоволен вами. Вы создали отвратительную атмосферу во время приема этой делегации: могут ли нам доверять партнеры, если у нас работает белая женщина, превосходно понимающая японский язык? С этого дня вы больше не говорите по-японски!

Я вытаращила глаза:

— Простите?

— Вы больше не знаете японского языка. Понятно?

— Но ведь меня приняли на работу в вашу фирму только потому, что я знаю японский!

— Мне наплевать. Я приказываю вам забыть японский язык.

— Но это невозможно! Никто не сможет подчиниться такому приказу.

— Сможете, если потребуется. И ваши западные мозги должны это усвоить.

«Приехали!» — подумала я. И попыталась возразить:

— Японский мозг, возможно, и способен забыть какой-то язык. А западный — не способен.

Этот неожиданный аргумент, как ни странно, подействовал на господина Сайто.

— И все-таки попытайтесь. По крайней мере, сделайте вид, что не понимаете. Я получил приказ относительно вас. Ясно?

Говорил он сухо и повелительно.

На свое рабочее место я, видимо, вернулась крайне растерянной, потому что Фубуки встретила меня нежным и встревоженным взглядом. Я погрузилась в полную прострацию, размышляя, что же мне теперь делать.

Самым логичным было бы уволиться. Однако мне трудно было решиться на этот шаг. С точки зрения западного человека, в подобном поступке нет ничего позорного, но для японца это означает потерять лицо. Я еще и месяца не проработала в компании, а контракт подписала на целый год. Если я сейчас хлопну дверью, то опозорюсь не только в глазах японцев, но и в своих собственных.

Тем более что мне вовсе не хотелось уходить. Ведь я с таким трудом добилась, чтобы меня приняли в эту компанию: пришлось выучить деловой токийский язык, пройти всевозможные тесты. Я не стремилась стать высококвалифицированным экспертом в области международной торговли, но я всегда мечтала жить в Японии, о которой с раннего детства сохранила самые идиллические воспоминания, а потом издали благоговела перед этой страной.

Нет, я останусь.

Нужно только придумать, как выполнить приказ господина Сайто. Я обследовала свое сознание в поисках геологического слоя, предрасположенного к амнезии: не найдется ли какого-нибудь тайного подземелья в крепости моего мозга? Чего я там только не обнаружила: хорошо и плохо укрепленные участки, сторожевые башни и бастионы, провалы и рвы, заполненные водой. Но — увы! — я так и не смогла отыскать темницы, чтобы замуровать там язык, на котором все говорили вокруг меня.

Если я не в состоянии его забыть, может быть, я сумею притвориться, что забыла? Если вообразить, что язык — это лес, почему бы мне не припрятать за французскими кедрами, английскими липами, латинскими дубами и греческими оливами бесчисленные японские криптомерии, имеющие весьма подходящее к случаю название?

Мори, фамилия Фубуки, означает «лес». Не потому ли я и обратила свой печальный взгляд на эту девушку? Я видела, что она все время вопросительно поглядывает на меня.

Она встала с места и знаком дала понять, чтобы я вышла вместе с ней. На кухне я понуро опустилась на стул.

— Что он вам сказал? — спросила Фубуки.

Наконец-то я могла кому-то открыться! Чуть не плача, я бессвязно рассказала ей о случившемся. И не могла удержаться от резких слов:

— Ненавижу этого господина Сайто! Дурак и мерзавец!

Фубуки улыбнулась и возразила:

— Это не так. Вы ошибаетесь.

— Ну конечно. Вы... вы — такая милая, что не замечаете в людях ничего плохого. Такой приказ мог отдать только...

— Успокойтесь. Приказ исходит не от него. Он только передал распоряжение господина Омоти. У него не было выбора.

— Значит, этот господин Омоти — последний...

— Ну, это отдельный разговор, — прервала она меня. — Что вы хотите? Он же вице-президент. Мы с вами не можем ничего изменить.

— Я думаю, мне стоит поговорить с президентом, господином Ханэдой. Что он за человек?

— Господин Ханэда — замечательный человек. Очень умный и добрый. Но вы не можете пожаловаться ему.

Она была права, и я это знала.

В Японии совершенно недопустимо обращаться к вышестоящему начальству, минуя хотя бы одну ступень, тем более перепрыгнуть сразу несколько. Я имела право обратиться только к своему непосредственному руководителю, то есть к Фубуки Мори.

— Фубуки, вы моя последняя надежда. Я знаю, что вы не в силах помочь мне. Но я все равно благодарю вас. От вашего участия мне уже легче.

Она улыбнулась.

Я спросила, как пишется ее имя. Она показала мне свою визитную карточку. Я увидела напечатанные на ней иероглифы и воскликнула:

— Снежная буря! Фубуки означает «снежная буря»! Какое у вас красивое имя!

— Я родилась во время снежной бури. Мои родители увидели в этом знак.

Мне тут же вспомнился список сотрудников «Юмимото»: Мори Фубуки родилась в Наре 18 января 1961 года. Значит, она — дитя зимы. В тот же миг мне представилась эта неистовая снежная буря, которая разразилась тогда в красивейшем городе Наре, с его бесчисленными колоколами — что же удивляться, что такая восхитительная девушка родилась в день, когда небесная красота обрушилась на красоту земную?

Фубуки рассказала мне о своих детских годах, проведенных в Кансае. А я рассказала ей о своем раннем детстве, которое проходило в той же провинции, неподалеку от Нары, в деревне Сюкугава, у подножия горы Кабуто — от воспоминаний об этих легендарных местах у меня на глаза навернулись слезы.

— Как я рада, что мы с вами — дети Канся! Ведь именно там бьется сердце старой Японии.

Душой я все годы так и оставалась в этих краях — после того как в возрасте пяти лет мне с моими родителями пришлось сменить японские горы на китайскую

пустыню. Это первое изгнание далось мне так тяжело, что я была готова преодолеть любые трудности, лишь бы возвратиться в страну, которую столь долго считала своей родиной.

Когда мы вернулись на рабочие места, я еще не решила, как следует себя вести. И совсем не представляла себе, чем буду заниматься в компании «Юмимото». Но какое счастье, что у меня есть такая коллега, как Фубуки Мори!

Итак, я должна была изображать занятость, но при этом делать вид, что не понимаю языка, на котором все говорят вокруг меня. Отныне я молча разносила сотрудникам чай и кофе и не отвечала на их слова благодарности. Никто из них не подозревал о последних распоряжениях, которые мне приходилось выполнять. И все недоумевали, с чего это вдруг еще вчера такая учтивая белая гейша превратилась в глупую и хамоватую гусыню, похожую на янки.

Церемония о-тякуми, увы, не занимала много времени. И я решила, не испросив на то позволения, разносить почту.

Запрягшись в громоздкую металлическую тележку, я путешествовала по этажам и бесчисленным офисам, вручая сотрудникам их письма. Это работа пришлась мне по душе. Прежде всего, я могла упражняться в знании языка, потому что адреса чаще всего были написаны иероглифами, и когда поблизости не маячил господин Сайто, я не скрывала, что знаю японский. Кроме того, я радовалась, что не зря выучила наизусть список сотрудников «Юмимото»: я не только поименно знала даже самых мелких служащих, но, если представлялся случай, с удовольствием поздравляла их с днем рождения, а также с днем рождения их супруги и дорогих чад.

С радужной улыбкой и низким поклоном я протягивала почту и говорила: «Вот ваши письма, господин

Сиранай. Поздравляю вас с днем рождения вашего маленького Ёсиро, которому исполняется сегодня три года». И видела, с каким изумлением тот на меня смотрит. Обязанности почтальона занимали гораздо больше времени, чем угощение чаем моих начальников — ведь я обходила всю компанию, которая располагалась на разных этажах. Я гордо шествовала со своей тележкой и радовалась каждому поводу проехаться на лифте. Мне это очень нравилось, потому что на площадке рядом с лифтом находилось огромное окно, и в ожидании лифта я играла в придуманную мною игру под названием «бросаться в пустоту». Я прижимала нос к стеклу и мысленно летела вниз. Город был так далеко! И пока не разобьешься о землю, можно увидеть столько интересного!

Наконец-то я обрела свое призвание. Мои умственные способности прямо-таки расцветали благодаря этой простой и человеческой работе, и главное — все видишь, какую пользу я приношу. Я была готова заниматься этим делом до конца жизни.

Но тут меня вызвал к себе господин Сайто. Я снова схлопотала выговор. На сей раз я и сама понимала, что совершила ужасное преступление — проявила инициативу. Я присвоила чьи-то обязанности, не испросив на то позволения непосредственного начальства. По моей вине штатный разносчик почты, который приходил на работу только после полудня, решил, что его хотят уволить, и был на грани нервного срыва.

— Вы воруете чужую работу. Как вам не стыдно! — совершенно справедливо выговаривал мне господин Сайто.

Я была просто в отчаянии — придется распрощаться с такой многообещающей карьерой. Кроме того, снова вставал вопрос: чем же мне теперь заняться?

И тут меня осенила идея, которая показалась мне спасительной: путешествуя с письмами по предпри-

ятию, я заметила, что в каждом помещении висит множество всевозможных календарей, но передвижной красный квадратик чаще всего стоит на просроченной дате или на прошлом месяце. На сей раз я не забыла испросить разрешения у своего шефа:

— Господин Сайто, а можно мне следить за календарями?

Он неосмотрительно ответил согласием. И я снова обрела каждодневное занятие.

Утром я обходила все кабинеты и передвигала красный квадратик на нужный день. У меня появился официальный пост: я стала смотрительницей календарей.

Мало-помалу сотрудники «Юмимото» начали замечать мою деятельность. И встречали меня веселыми шутками:

— Как вы себя чувствуете? Не слишком устаете от тяжелой работы?

Я весело отвечала:

— Ужасно устаю. Спасаясь только благодаря витаминам.

Я полюбила свои новые обязанности. К сожалению, они отнимали у меня слишком мало времени, но давали лишний повод прокатиться на лифте и в ожидании его — «броситься в пустоту». К тому же моя деятельность развлекала сотрудников компании.

Наибольшего успеха на этом поприще я достигла при переходе от февраля к марту. В этот день мне предстояло не только передвинуть красный квадратик, но и вырвать февральский лист.

В каждом кабинете меня, как спортсмена, встречали радостными приветствиями. Я сражалась, как самурай, изничтожая февральский лист календаря с огромным фотоснимком заснеженной Фудзиямы, которая воплощала февраль на календаре «Юмимото». Одержав в этой схватке победу, я с усталым, но гордым видом

скромного воина-победителя покидала поле брани под одобрительные крики «банзай!» восторженных зрителей.

Слух о моей славе достиг ушей господина Сайто. И мне предстояло выслушать очередной нагоняй за то, что я позволила себе скоморошничать в такой серьезной фирме. Но я заранее приготовилась к самозащите.

— Вы же разрешили мне следить за календарями, — начала я с места в карьер, не дожидаясь, пока шеф выплеснет на меня свой гнев.

Но на сей раз он не очень рассердился, а был лишь привычно недоволен.

— Да, можете продолжать. Но не устраивайте из этого балаган — вы отвлекаете наших сотрудников от работы.

Меня удивило, как легко я отделалась. Но господин Сайто добавил:

— Отксерокопируйте вот эти документы.

Он протянул мне толстенную пачку бумаг формата А4. Не меньше тысячи листов.

Я заложила всю пачку в ксерокс, который выполнил свою работу качественно и мигом. Готовые копии и оригинал я отнесла своему начальнику.

Некоторое время спустя он вызвал меня к себе:

— Ваши ксерокопии слегка смещены от центра. Переделайте эту работу как следует.

По дороге к ксероксу я думала: может быть, я не очень аккуратно заложила бумагу в машину? Но теперь я была сверхвнимательна, и результат получился безупречным. Новую пачку я отнесла господину Сайто.

— Опять все сдвинуто! — сказал он.

— Неправда! — воскликнула я.

— Как вы смеете спорить с начальством! Неслыханное нахальство!

— Извините меня. Но я так старалась, чтобы ксерокопии получились очень хорошими.

— Но они таковыми не получились. Смотрите!

Он протянул мне лист, который казался мне идеальным.

— Что же здесь не так?

— Вот, смотрите. Текст не совсем параллелен краю бумаги.

— Вам так кажется?

— Конечно, раз я так говорю!

Он бросил всю пачку в корзинку и спросил:

— Вы пользуетесь устройством автоматической подачи бумаги?

— Да, конечно.

— Тогда все понятно. Им нельзя пользоваться, потому что он не отличается точностью.

— Но если я буду закладывать каждый листок вручную, это займет много часов.

— Ну и что же? — улыбнулся он. — Вы все равно не знаете, чем заняться.

Я поняла, что это наказание за мой театр с календарями. Ксерокс превратился для меня в настоящее оружие пытки. Теперь я каждый раз поднимала крышку, сверхтщательно укладывала очередную страницу, нажимала на кнопку, а потом долго разглядывала результат. К своей каторжной работе я приступила в три часа дня. И к семи вечера я еще не закончила. Иногда к ксероксу подходили сотрудники: если им нужно было сделать более десяти копий, я вежливо просила их воспользоваться другим аппаратом, который стоял в противоположном конце коридора.

Между делом я решила посмотреть, что за текст поручили мне копировать. И чуть не умерла от смеха: это был устав гольф-клуба, членом которого состоял господин Сайто.

Но уже через минуту я чуть не заплакала от жалости при одной лишь мысли о бедных и ни в чем не повинных деревьях, которые готов загубить господин Сайто, чтобы наказать меня за мое поведение. Мне виделись японские леса моего детства: клены, криптомерии, гинкго, — безжалостно срубленные только ради того, чтобы наказать столь ничтожное существо, как я. И тут я вспомнила, что фамилия Фубуки означает «лес».

В этот момент ко мне подошел господин Тэнси, который возглавлял отдел молочных продуктов. Его должность соответствовала должности господина Сайто, который заведовал бухгалтерией. Я удивленно взглянула на него: неужели такой большой начальник, как господин Тэнси, не может поручить кому-нибудь из своих подчиненных сделать нужные ему ксерокопии? Он сам ответил на мой немой вопрос:

— Сейчас восемь вечера. Все мои сотрудники уже ушли. А почему вы не пользуетесь автоматикой?

Со смиренной улыбкой я объяснила, что выполняю особые инструкции господина Сайто.

— Все ясно, — понимающим тоном сказал господин Тэнси.

Он слегка задумался, а затем спросил:

— Вы, кажется, бельгийка?

— Да.

— Это очень кстати. У меня есть довольно интересный проект, связанный с вашей страной. Вы согласитесь сделать для меня определенную работу?

Я смотрела на него как на спасителя. Он объяснил мне, что один бельгийский кооператив разработал новый метод обезжиривания сливочного масла.

— Я очень верю в легкое масло. За ним будущее, — добавил он.

Я радостно подхватила:

— И я так думаю!

— Зайдите ко мне завтра утром.

Ксерокопирование я заканчивала уже совсем в другом настроении. Передо мной открывалась заманчивая перспектива. Я положила пачку копий размера А4 на стол господина Сайто и, ликуя, пошла домой.

На следующее утро, стоило мне появиться в компании «Юмимото», меня встретила испуганная Фубуки. Она передала приказ начальства:

— Господин Сайто хочет, чтобы вы заново отксерокопировали его бумаги. Он считает, что они опять получились не очень хорошо.

Я расхохоталась и объяснила моей коллеге, какую игру ведет со мной наш шеф.

— Уверена, что он даже не посмотрел, как они сделаны, а я каждый экземпляр выверила до миллиметра. Я потратила на это уйму времени — и все это ради устава его гольф-клуба!

Тут даже Фубуки робко возмутилась:

— Он вас просто мучает!

Я ее успокоила:

— Не беспокойтесь! Меня это даже забавляет.

Я снова пошла к ксероксу, который уже полностью освоила, и включила устройство автоматической подачи бумаги: я не сомневалась, что господин Сайто опять вынесет свой приговор, даже не взглянув на мою работу. И я с радостным волнением думала о Фубуки: «До чего же она добрая! Какое счастье, что она рядом со мной!»

Откровенно говоря, новый каприз господина Сайто пришелся как нельзя кстати: накануне я потратила более семи часов, чтобы — одну за другой — отксерить тысячу страниц. Сегодня под этим предлогом я могла провести несколько часов у господина Тэнси. Благодаря автоматике я за десять минут отшлепала тысячу копий, отнесла их на свое рабочее место и сбежала в отдел молочных продуктов.

Господин Тэнси передал мне координаты бельгийского кооператива:

— Я хотел бы получить самый полный и подробный отчет об этом новом легком сливочном масле. Садитесь за стол господина Сайтамы: он сейчас в командировке.

Тэнси означает «ангел»: господину Тэнси как нельзя лучше подходило его имя. Он не только дал мне счастливый шанс проявить себя, но и предоставил полную свободу действий — в Японии такое случается крайне редко. Кроме того, он проявил инициативу, не испросив согласия начальства, то есть решился ради меня на большой риск.

Я это понимала. И почувствовала, что отныне и до конца жизни буду беззаветно предана господину Тэнси — такую преданность каждый японец должен испытывать по отношению к своему начальству, но вот господин Сайто и господин Омоти подобного чувства у меня не вызывали. Господин Тэнси стал теперь моим командиром, моим военачальником, и я, как самурай, была готова пожертвовать ради него жизнью.

Битва за легкое сливочное масло началась. И я смело бросилась в бой. Из-за разницы во времени я не могла сразу же позвонить в Бельгию, поэтому начала с того, что обзвонила японские центры по изучению потребительского спроса и Министерство здравоохранения, чтобы выяснить, какая взаимосвязь прослеживается между потреблением сливочного масла и уровнем холестерина у японской нации. Мне удалось узнать, что чем больше жители Страны восходящего солнца едят сливочного масла, тем чаще страдают излишним весом и сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Когда в Бельгии начался рабочий день, я позвонила в маленький бельгийский кооператив. На другом конце провода я услышала голос, говоривший с сильным местным акцентом, и почувствовала неожиданное волнение.

Моя соотечественница, польщенная звонком из Японии, проявила удивительную компетентность. Через десять минут я получила по факсу двадцать страниц текста, где по-французски излагалась технология обезжиривания сливочного масла, правами на которую обладал этот кооператив.

Я села за свой отчет, которому предстояло стать отчетом века. Вначале я изложила результаты изучения рынка: данные о потреблении сливочного масла в Японии, рост его потребления начиная с 1950 года и одновременный рост сопутствующих заболеваний. Затем я рассказала о существующих методах снижения калорийности сливочного масла, о преимуществах новой бельгийской технологии и так далее.

Поскольку я писала свой отчет по-английски, я взяла работу домой, чтобы свериться с техническим словарем. Этой ночью я не спала.

На следующее утро я примчалась в «Юмимото» на два часа раньше, чтобы отпечатать отчет, вручить его господину Тэнси и ни на минуту не опоздать на свое рабочее место.

Не успела я появиться в отделе господина Сайто, как он сразу же вызвал меня к себе:

— Я посмотрел копии, которые вы оставили вечером на моем столе. Вы явно прогрессируете, но до совершенства вам пока далеко. Переделайте еще раз.

И он снова бросил готовые ксерокопии в корзину.

Я низко склонила голову и подчинилась. При этом я с трудом сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

Господин Тэнси нашел меня у ксерокса. Он поздравил меня со всей сердечностью, которую допускала его сдержанная учтивость:

— Вы подготовили замечательный отчет, причем сделали его чрезвычайно быстро. Вы разрешите мне сказать на собрании, кто его автор?

Это был человек редкого благородства: ради меня он готов был нарушить существующие здесь запреты.

— Ни в коем случае, господин Тэнси. Это только навредит и вам и мне.

— Вы правы. Но на ближайшем совещании я попробую наметнуть господину Сайто и господину Омоти, а еще лучше — господину Ханэде, что вы можете мне быть полезны. Как вы думаете, господин Сайто будет этому противиться?

— Ни в коем случае. Посмотрите, сколько раз он заставляет меня ксерокопировать одни и те же бумаги, лишь бы не видеть меня. Да он только и думает о том, как бы от меня избавиться. Он будет рад, если вы заберете меня в свой отдел, он просто терпеть меня не может.

— Вы не обидитесь, если я припишу себе авторство вашего отчета?

Его вопрос ошеломил меня: никто не обязывал его проявлять подобную учтивость по отношению к такой мелкой сошке, как я.

— Ну что вы, господин Тэнси, это будет большая честь для меня.

Мы расстались, преисполненные уважения друг к другу. В будущее я смотрела с надеждой. Скоро, скоро закончатся издевательства господина Сайто, его абсурдные приказы без конца ксерокопировать одни и те же бумаги и запрет говорить на моем втором языке.

Драма разразилась несколько дней спустя. Меня срочно вызвали в кабинет господина Омоти, куда я отправилась, не ожидая ничего дурного.

Когда я вошла в святая святых, там уже сидел господин Тэнси. При виде меня он улыбнулся, и это была самая добрая и сочувствующая улыбка, какую мне доводилось когда-либо видеть. Она означала: «Нас ждет

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАХ И ТРЕПЕТ

Перевод И. Попова, Н. Поповой 5

ТОКИЙСКАЯ НЕВЕСТА

Перевод И. Кузнецовой 111

Нотомб А.

- Н 85 Токийская невеста : романы / Амели Нотомб ; пер. с фр. И. Попова, Н. Поповой, И. Кузнецовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 256 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-10602-4

«Страх и трепет» — самый знаменитый роман бельгийской писательницы Амели Нотомб. Он номинировался на Гонкуровскую премию, был удостоен премии Французской академии, переведен на десятки языков и экранизирован А. Карно. Героиня романа Амели родилась в Японии и теперь возвращается в страну, по которой она тосковала как по утраченной родине, чтобы остаться навсегда. Но попытки соблюдать японские традиции и обычаи всякий раз приводят к неприятностям и оборачиваются жестокими уроками. Нотомб заставляет читателя смеяться, пугает и удивляет, а в конце концов выворачивает наизнанку миф о Японии, выстроив сюжет вокруг психологической дуэли двух молодых красивых женщин.

В романе «Токийская невеста» Амели Нотомб рассказывает о том периоде своей жизни, когда она после окончания университета в Брюсселе отправилась в Японию, волшебную страну, где прошло ее раннее детство. Там она встретила прекрасного юношу, с которым провела чудесные дни, полные любви. Однако постепенно чары рассеялись, и героине предстоит решить, сможет ли она жить в сказочном замке, откуда нет выхода... В 2015 году на российские экраны вышел фильм Стефана Люберски, снятый по этому роману Амели Нотомб. В главной роли Полин Этьен.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

АМЕЛИ НОТОМБ
ТОКИЙСКАЯ НЕВЕСТА

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Анастасии Келле-Пелле
Корректор Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.09.2017. Формат издания $75 \times 100^{1/32}$.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 11,28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-VAK-18630-02-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/